

Мой 37-й

О таких, как автор предлагаемых читателям «Северного рабочего» воспоминаний, говорят: «Родился в рубашке». Г. М. Цветков рассказывает о редком случае из печально памятного 1937 года.

В 1937 году во всём виделись вредительство, шпионаж, диверсии. Шли аресты, судебные процессы, выносились решения особого совещания. В их подготовке большую роль играли следователи. Многие из них старались вырвать у подсудимых признания в несуществующих преступлениях. Мне хочется рассказать о старшем следователе прокуратуры Ярославской области Кипарисове. Не знаю, жив ли он сейчас. У меня сложилось мнение, что это был следователь иного типа, руководствовавшийся своей совестью.

В Сухуми со мной отдыхал главный инженер моторостроительного завода из Рыбинска. Однако через день он неожиданно исчез, и я пошёл к нему в номер.

Там нашёл совершенно расстроенную его жену, которая сказала, что мужа куда-то срочно вызвали и он ночью выехал.

Я догадался, что её мужа арестовали. В те дни резко участились аресты среди инженерно-технических и руководящих работников промышленности. Тревожные предчувствия охватили и меня, и я через несколько дней выехал в Москву.

В то время работал я в Переславле-Залесском в должности главного инженера фабрики киноплёнки № 5, находившейся в ведении Государственного комитета СССР по делам кинематографии. На фабрике подобрался энергичный молодёжный коллектив специалистов из числа выпускников бывшего фототехнологического отделения химического факультета МВТУ.

На рубеже 1936—1937 годов после реконструкции фабрика была пущена в ход. К этому времени были разработаны новые технологии. Но их внедрение сопровождалось авариями, вспышками паровоздушной смеси.

На фабрике такие вспышки происходили в самый разгар поисков вредителей и шпионов, охвативших тогда всю страну. Были и в Переславле-Залесском голоса, утверждавшие, что эти вспышки происходят по моей команде, что у меня якобы имеется таинственная машинка, которая может вызывать вспышки дистанционно. Меня вызывали на очные ставки в НКВД с некоторыми из авторов этих утверждений.

К счастью, к маю 1937 года вспышки сошли на нет, фабрика вошла в нормальный ритм работы.

В 1936 году я не был в отпуске, и теперь, когда обстановка на фабрике стабилизировалась, мне захотелось приятности. Фамилию его я не запомнил. Условно буду именовать его В. Он проявил ко мне явную благосклонность, пообещал путёвку в престижный дом отдыха «Синоп» ЦИКа СССР в Сухуми, с оплатой её за счёт кинокомитета. Он также дал согласие на мой перевод в научно-исследовательский институт. Получив «благословение» от заместителя председателя комитета, я взял отпуск.

...За время отпуска я не получал сведений из Переславля и решил по прибытии в Москву узнать о делах на фабрике. С этой целью зашёл к начальнику УПИ кинокомитета Я. Н. Левину. Он буквально «оглушил» меня, сообщив, что всё руководство фабрики № 5: директор Н. Н. Бахвалов, заместитель директора по общим вопросам С. И. Галкин, начальник строительства Л. В. Басов и главный инженер строительства Г. И. Зильберг, а также рабочий цеха рекуперации Козлов арестованы по обвинению во вредительстве. Аресты проводил старший

следователь Яроблпрокуратуры Кипарисов, постоянное местопребывание которого г. Рыбинск. В Переславле он пробыл несколько дней.

— Следователь искал и вас, — сказал Левин. — Думаю, что вам целесообразно поехать к нему. Это может произвести о вас хорошее впечатление.

Получив эту встревожившую меня информацию, я решил зайти к заместителю председателя В., поскольку у меня осталось о нём благоприятное впечатление. Но здесь меня ожидало почти детективное приключение. Секретарша начальника, когда я назвал свою фамилию, забеспокоилась и, получив, по-видимому, соответствующее указание от своего патрона, сказала:

— Товарищ В. распорядился вас к нему не пускать.

Возмущение и обида охватили меня, и я решил: что бы то ни было, увидеть В. Прорвался к нему. Но только вошёл в его кабинет, как он, увидев меня, вскочил со своего места и, замахав руками, закричал:

— Вон! Вон отсюда!

— Объясните, пожалуйста, — спросил я, — что всё это значит?

В., не отвечая на мой вопрос, стал выталкивать меня из кабинета, ему помогала в этом секретарша.

Происшедшая за месяц метаморфоза поразила меня. Я понял, что для этого должны были быть веские основания.

И я решил последовать совету Левина — срочно выехать в Переславль, а оттуда — в Рыбинск для свидания с Кипарисовым.

Кипарисов встретил меня шумно и, как мне показалось, обрадованно.

— Как хорошо, что вы приехали! — воскликнул он. — Вы очень хорошо сделали, что пришли ко мне сами!.. Мне надо с вами поговорить и оформить ваш допрос. Вам придётся задержаться на несколько дней.

Вопросов было несколько, все их я не помню, но некоторые показались мне существенными: смысл их я попытаюсь воспроизвести.

1. Преследовал ли я цель отравить акваторию реки Трубеж, Плещеева озера, когда дал указание слить в реку Трубеж сточные воды из колодца цеха рекуперации?

2. Преследовал ли я цель вызвать взрыв, устанавливая у цеха эмульсии фильтр для воды?

3. Какие контрреволюционные вредительские действия замечал я со стороны директора фабрики Н. Н. Бахвалова?

4. Какие контрреволюционные вредительские указания получил я от моего репрессированного отца?

Ответ на вопрос 1. В 1934 году, когда моим предшественником на посту главного инженера фабрики № 5 был Н. Н. Блонский, возник вопрос о вводе в действие цеха рекуперации растворителей, спроектированного и смонтированного германской фирмой «Хеминова». Фирма предложила участвовать в наладке оборудования и пуске цеха. Но цена была высокой, и Блонский взялся осуществить пуск цеха собственными силами.

Пуск цеха происходил в летнее время. Случилось так, что Блонский и начальник цеха Чернявский что-то недоучли, и вместе со сточными водами из цеха рекуперации через канализационную сеть в Трубеж попало значительное количество крезоло. На поверхность Трубежа всплыло большое количество рыбы. По содержанию в ней крезоло эта рыба была признана ядовитой. Население города и прилегающих районов известили о запрещении лова, продажи и употребления в пищу рыбы из реки Трубеж и Плещеева озера. В таком небольшом городе, как Переславль-Залесский, случившееся быстро переросло в сенсацию. Впоследствии любой случай гибели рыбы стал приписываться отравлению фабрикой № 5, хотя причины оказывались совсем другими.

Когда после Блонского я был назначен главным инженером фабрики, меня неоднократно вызывали в городскую прокуратуру и требовали объяснений по каждому случаю гибели рыбы.

После случая отравления рыбы в 1934 г. на фабрике № 5 было категорически запрещено сливать через канализацию содержащие крезол сточные воды. Но однажды в начале 1937 года канализационный колодец возле цеха рекуперации, в котором находились задвижки и трубопроводы крезолсодержащих стоков, оказался полностью заполнен этими стоками. Надо было останавливать цех, вредные выбросы паров растворителей выпускать в атмосферу. Фабрика расположена в центре города. Для вывоза загрязнённой воды к месту, где разрешён её слив, с помощью коняги и бочки потребовалось бы не менее 2—3 суток. Надо было прежде всего оценить, какое количество крезоло содержится в объёме воды, заполнившей колодец. Анализ показал, что при данной концентрации во всём объёме скопившейся в колодце загрязнённой

воды суммарное содержание крезола не превысит 100—150 г, и в таком обширном водоёме, как река и часть озера (у впадения в него реки), это количество распределится и будет в десятки раз ниже так называемой предельной концентрации, то есть никакой практической опасности для водоёма и обитающей в нём рыбы не представляет. Поэтому я дал распоряжение не прерывать работу цеха и слить воду из колодца в общефабричную канализацию со сбросом стоков в реку Трубеж.

Ни о какой попытке с моей стороны отравить население города, когда я отдавал распоряжение о сливе крезолсодержащей воды в канализацию, в этом случае не могло идти и речи. Данное обвинение было совершенно беспочвенно и опровергалось аналитическими данными. Кроме того, после этого происшествия всплытия уснувшей рыбы не наблюдалось.

Ответ на вопрос 2. В связи с увеличением выпуска негативных сортов плёнок, в том числе авиаплёнок и кионегативных плёнок «изопанхром», потребовалось увеличить производство негативных фотоэмульсий. По существовавшей тогда технологии надо было резко увеличить расход чистой водопроводной воды. Её не хватало. Мне пришла мысль воспользоваться известным опытом порохового завода имени Косякова и испытать для промывки эмульсий неочищенную воду из Трубежа, подвергнув её фильтрованию через слой коллоксилина. Была разработана конструкция и изготовлен опытный экземпляр подобного фильтра, в котором возможность взрыва коллоксилина была полностью исключена тем, что он всегда находился под водой.

Ответ на вопрос 3. О работе и поведении Н. Н. Бахвалова на производстве я написал, что могу дать только положительный отзыв. Никаких вредительских действий с его стороны я не замечал.

Ответ на вопрос 4. О возможности получения указаний о вредительстве со стороны моего отца. Я не допускаю даже самой мысли об этом. Правда, мой отец был репрессирован в марте 1937 г. — он работал научным редактором картографического издательства Главного управления геодезии и картографии — о его судьбе мне в настоящее время ничего не известно, но я знаю его как исключительно честного и добросовестного человека и надеюсь, что его арест — это недоразумение (дело по обвинению моего отца 23 июня 1956 г. было пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР, и постановление ОСО при НКВД СССР от 22.10.1937 г. в отношении отца отменено, дело за отсутствием состава преступления прекращено).

Мне казалось тогда, что Кипарисов был удовлетворён моими показаниями и ответами на поставленные им вопросы. Он спросил меня:

— Куда вы собираетесь отсюда ехать?

— В Москву, — ответил я.

— Только непременно через Переславль! — сказал он. — Там вам надо будет зайти в райпрокуратуру и вручить письмо, которое я вам сейчас дам. — Сказав это, он подсел к столу с пишущей машинкой и на моих глазах напечатал письмо, которое запечатлелось в моей памяти. Оно было адресовано Переславль-Залесскому районному прокурору. Текст его был следующий (я его запомнил дословно): «...Проведённым расследованием по делу фабрики киноплёнки № 5 причастность Цветкова Георгия Михайловича к контрреволюционной вредительской деятельности не установлена. Поэтому постановление за № ... от ... в отношении Цветкова Георгия Михайловича отменяется и заменяется отображением подписки о невыезде с места жительства».

Он подписал письмо и передал его мне со словами:

— Непременно сами завтра же доставьте его в Переславскую прокуратуру. Имейте в виду, что это письмо для вас — вопрос вашей жизни и смерти!

— О каком постановлении идёт речь? — спросил я его. — Было ли это предписание арестовать меня?

— Вот именно! — ответил он. — Поэтому, если вы не явитесь в Переславле в прокуратуру и не вручите настоящее письмо, там будут руководствоваться ранее полученным постановлением, объявят розыск и арестуют вас, где бы вы ни находились.

— Я провёл в Переславле почти сутки. Почему же меня не арестовали там?

— Вы разъехались с тем постановлением.

— А почему меня не арестовали, — спросил я, — когда я находился в доме отдыха? Оттуда брали некоторых. Ведь мой адрес был известен.

— Дело в том, что с адресом получилась путаница. Дали адрес: дом отдыха «Синоп». А канцеляристы решили, что это город Синоп, который, как известно, находится в Турции. Письмо с предписанием об аресте, видимо, и задержалось.

В 11 часов утра 1 сентября 1937 г. я покинул здание прокуратуры. Отдохнувший, я зашёл в лучший в городе ресторан, где решил пообедать, конечно, с графинчиком и с моими люби-

мыми пельменями, с обслуживанием знаменитыми рыбинскими официантами, сохранившими в то время ещё лоск столичного Петербурга, где официанты, половые, лакеи традиционно вербовались из жителей Верхнего Поволжья.

Всё в том же радужном состоянии, не торопясь, отправился на вокзал. В пятом часу, уже с билетом в кармане, прохаживался по вокзальным залам, ожидая поезда.

Вдруг как из-под земли появился Кипарисов!.. Ёкнуло сердце, появилось неприятное тревожное предчувствие. Увидев меня, он громко обратился ко мне: «Цветков!» (Не гражданин Цветков, не товарищ Цветков, а просто Цветков — это уже кое-что мне говорило). «Вы билет взяли?»

— Взял! — ответил я.

— Придётся вам его сдать! — продолжил Кипарисов.

Мы прошли в прокуратуру. Там Кипарисов спросил меня:

— Письмо, которое я вам дал сегодня, цело? Оно у вас?

— Разумеется, — ответил я.

— Дайте его мне!

Я отдал ему письмо. Кипарисов тут же, на моих глазах, порвал его. Я понял, что ситуация резко изменилась, и что-то мерзкое, липкое, неотвратимое, неизбежное охватило меня.

— Вынужден арестовать вас! — сказал Кипарисов.

— Как же так? — спросил я. — Утром вы сообщили мне об отказе от моего ареста...

— Это не моё мнение, я получил распоряжение из Ярославля. Мне сказали, что если я вас не арестую, то меня арестуют. Вы с этого момента арестованы. Я повсюду должен вас теперь сопровождать. Но обещаю: завтра я выезжаю в Ярославль и попытаюсь выяснить ситуацию и сделать, что смогу. Я на днях приеду в тюрьму, куда я вас сегодня направлю, и вызову вас на допрос.

Милицейский пост из двух пожилых милицейских служаек встретил меня с нескрываемым участием. Каждый старался дать мне добрый совет, в основном — как держать себя, пока я здесь.

Часа через полтора-два меня вызвали «с вещами». Конвойные вывели во двор. Там стояла полуторка, мне велели влезть в кузов и сесть на полу на середине кузова. Вслед за мною в кузов поднялись четверо солдат-конвойных, двое из них с винтовками, двое других держали на коротких поводках немецких овчарок. Солдаты разместились по углам машины, в каждом углу оказался солдат либо с винтовкой, либо с собакой.

Я почувствовал свою значимость для тюремного начальства. Из-за одного меня столько людей! И собаки! И машина! Меня привезли к какому-то строению, вроде бывшего монастырского. В камере жара, духота, шум от людей и яркий электрический свет. Там я услышал громкий приветственный клич: «Юрий Михайлович! Вот и вы! Я вас давно жду!» — это Григорий Исаакович Зильберг, голый до пояса, встречает меня... Он выскивает мне местечко на нижних юрцах неподалёку от себя. Рядом со мной оказалась живописная фигура красивого мужчины с чёрными волосами и чёрной бородой. Священник из какого-то близлежащего места. Он рассказал, что его уже не раз допрашивали, предъявляют какие-то фантастические обвинения, которые он отказывается признавать.

Примерно через неделю я был вызван на допрос к Кипарисову. На некоторое время мы с ним оказались в изолированной комнате вдвоём, и он воспользовался этим, чтобы сообщить мне, что был в Ярославле, виделся с областным прокурором Юрчуком, и тот настаивает, чтобы мне были предъявлены обвинения, характеризующие меня как контрреволюционного вредителя и врага народа. Всё это он высказал приглушённым голосом и вдруг, резко изменив интонацию, громко произнёс:

— Вы ведь виновны! Виновны в том, что велели слить вредные креозолсодержащие воды в реку Трубез, чтобы вызвать отравление жителей города и окрестных мест. Виновны в том, что готовили диверсию на фабрике № 5 в виде взрыва коллоксилинового фильтра. — Кипарисов продолжал: — Я должен предъявить вам обвинительное заключение и дать на ознакомление ваше дело. Садитесь за стол, читайте.

В деле были собраны листы допросов некоторых знавших меня лиц, а также ряд других документов, в том числе клеветнический акт инспектора кинокомитета Рейзена, обвинявшего меня в контрреволюционном вредительстве. Обоснованием этому служили в акте те же домыслы и соображения, что и в обвинительном заключении.

Я сразу же заявил Кипарисову, что всё обвинение против меня и директора фабрики Н. Н. Бахвалова построено на песке, и я настаиваю на проведении научно-технической экс-

пертизы по пунктам обвинения. Кипарисов ответил мне, что проводить научно-технические экспертизы сейчас запрещено, суд сам с помощью материалов следствия, показаний свидетелей разбирается в технических вопросах. При знакомстве с делом я убедился, что подавляющее большинство свидетельских показаний, относящихся ко мне и к моей деятельности на фабрике, изложены в основном лояльно и не направлены против меня, кроме показаний бывшего моего заместителя по технике безопасности инженера Качанова и городского санитарного врача г. Переславля-Залесского Карташевского. Их показания были клеветническими и откровенно направлены против меня. Они были большей частью технически неграмотными и не заслуживали серьёзного внимания.

После освобождения, осенью 1938 года, я неожиданно встретился с Качановым возле дома, где я жил в Москве. Он работал на заводе, расположенном по соседству. И в первый момент растерялся, когда он вперил в меня удивлённые свои глазки. Надо было видеть изумлённую физиономию этого клеветника, когда он встретил меня живого и невредимого! Ему, видимо, казалось, что им всё сделано, чтобы уничтожить меня.

Более серьёзным материалом против меня являлся акт Рейзена. Но дать ему оценку, выявить несостоятельность могла только научно-техническая экспертиза, в чём мне было отказано.

С Г. И. Зильбергом провёл я в Рыбинской тюрьме почти весь сентябрь. За это время прошло несколько негромких судебных процессов. Судили юного пастушка по обвинению в умышленном умертвлении колхозного коня — осуждение было суровым; судили председателя колхоза (или директора совхоза) вместе с зоотехником по обвинению в умышленном (вредительском) заражении колхозного стада бруцеллёзом; судили колхозника и его сына-подростка за то, что мальчик использовал для изготовления змея портрет Сталина; судили несколько человек районных землеустроителей, за что — не помню. Все приговоры были исключительно суровые.

Между тем стало известно, что меня и Зильберга, а также целый ряд других арестантов будут переводить из Рыбинска в Ярославль.

В Ярославле нас поместили в тюрьму Коровники. Развели по разным камерам 2-го тюремного корпуса; Зильберг попал в камеру № 14, где уже сидел «вредитель» с фабрики № 5, бывший главный энергетик Мицкевич и бывший мой подчинённый. А я попал в камеру № 9. Распределял нас по камерам сам начальник корпуса № 2, получивший вскоре прозвище «Старпир». Получилось так, что я унёс с собой в камеру № 9 всё наше с Зильбергом продовольствие, а он — в камеру № 14 все наши носильные вещи.

Пришлось обратиться к начальнику корпуса с просьбой разрешить мне и Зильбергу перераспределить наши вещи. Когда я ему рассказал, почему и как мы распределили наши вещи, он самодовольно заявил: «А это я вас распределял по камерам. А я никогда не помещаю в одну камеру подследственных делили наши вещи, он самодовольно заявил: «А это я вас распределял по камерам. А я никогда не помещаю в одну камеру подследственных по одному и тому же делу». Я, конечно, не счёл нужным открыть ему, что, отделив от Зильберга, в камере № 9 он свёл меня с Л. В. Басовым и С. И. Галкиным — то есть вместо двух обвиняемых по общему делу теперь в камере № 9 стало трое.

На заявлении он милостиво начертал: «Стар. пир. Разрешаю». Дата и подпись. Я долго после этого ломал голову, что значат таинственные полуслова «Стар. пир.», пока меня кто-то не надоумил, что стар. пир. читается: «старшему передатчику».

Камера № 9 была огромной, в ней находилось более ста человек. Несмотря на большие размеры, она была переполнена. Значительная часть заключённых размещалась вповалку на полу, на площадях, не занятых юрцами. На юрцах, расположенных в основном по периметру стен, размещалась та часть заключённых, которая находилась в камере с давнего времени. Те, кто приходил позднее, ложились на полу, вплотную друг к другу.

Когда высвобождались места на юрцах, их занимали те, кто лежал в головной части очереди, и она «поджималась» с «хвоста» к «голове». Для тех, кто вынужден был ночевать на полу, существовало специфическое тюремное «удовольствие» — крысы. Они, числом в несколько десятков, выбегали по ночам и начинали бегать по телам лежащих на полу.

Девятая камера запомнилась мне как средоточие нравственных страданий и унижений. В отношении нас допускались любые оскорбления и издевательства, и определённая, правда, небольшая часть конвоиров и охранников пользовалась этим. Про наши корзины и мешочки, в которых мы хранили наши скудные запасы зацветшего хлеба, размякшего от жары коровьего масла, нам надзиратели говорили: «Что вы их бережёте? Всё равно всех вас прикончат,

а корзинки сожгут!» Всякое притеснение заключённых со стороны низшей администрации поощрялось средней и высшей.

Октябрь 1937 года был периодом, когда выводились из обихода все проявления гуманности по отношению к нам. Появились запреты на игру в шахматы и шашки, имевшиеся у нас фигуры и доски отобрали. Мы стали лепить фигурки из хлеба, их стали выбрасывать. У меня разболелся зуб. Дни шли, никакой помощи я не получил. Лечил сам единственно доступным средством — никотином, который наскребал из мундштуков. Наконец-то сжалились, я попал к зубному врачу, из заключённых. Он осмотрел мой зуб и спросил, по какой статье я сижу.

— Ваш зуб надо лечить, а мне запрещено лечить зубы у заключённых с 58-й статьёй. Всё равно им недолго жить. Только вырывать. — Подумав несколько секунд, он продолжал:

— Ну да ладно, я буду вам лечить его. Только никому не говорите об этом.

И он за один сеанс почистил мне дупло и поставил пломбу. Да какую пломбу! Уже спустя несколько лет, по выходе из тюрьмы, я попал к обычному зубному врачу. Он посмотрел мои зубы и сказал: «А где вам поставили такую великолепную пломбу?» Я часто вспоминал этого зубного врача с благодарностью и с восхищением его мастерством и мужеством... Ведь он рисковал...

По соседству с камерой № 9 располагались две другие, где заключёнными являлись подростки — дети, мальчишки, начиная с 12 лет и старше. Некоторые пожилые охранники в праздничные дни, когда на внезапное посещение начальства было относительно мало шансов, открывали двери этих камер и выпускали полуголых от жары ребят порезвиться в обширном коридоре. Иногда их впускали в нашу камеру, и некоторые заключённые постарше примагнивали ребятишек, угощали их какими-либо сладостями, в общем, проявляли к ним как бы отцовскую нежность, и это было очень трогательно видеть.

Мне запомнился мой сосед по юрцам — сухонький, маленький старичок, звали его, кажется, Михаил Фёдорович. Он любил петь «Шумел камыш». Пел дребезжащим старческим голоском, навевая вокруг себя грусть и тоску. Он привлекался по статье 58-10 (контрреволюционная агитация). По его рассказам, вина его заключалась в следующем. По профессии он был печник. Однажды, закончив работу и получив деньги, купил четвертинку, которую положил в карман шинели. Увидел другую очередь, за колбасой. «Вот и закуска», — подумал он и стал протискиваться к прилавку. Купил колбасу. Отошёл довольный. Можно теперь и выпить, и закусить. Глядь, а четвертинка-то исчезла! «Ах ты, мать твою так-то! Вот тебе Советская власть, развела жулья — не дай, господи!» Вот за эти слова, которые подслушал кто-то и донёс, он попал на особое совещание и получил свои десять лет.

О методах допроса. Я лично не подвергался «недозволенным» методам, меня не били, не мучили. Вероятно, нечего было из меня выпытывать. Да и следователь наш Кипарисов был из порядочных. Но вот был с нами молодой парень — секретарь комсомольской ячейки из Галича. Его увели на допрос, оттуда он вернулся в камеру через два дня. Рот его был разбит, под глазами — синяки, лицо окровавлено. Пальцы рук изуродованы, туловище в кровоподтёках. Он рассказал, что его на допросах зверски били.

Были и другие методы получения признаний. В камере № 9 находился пожилой инженер-строитель, лет 70-ти, по национальности армянин. Ему приписывали какое-то преступление в строительстве, которое он отказывался признать. Его вызвали на допрос, откуда он вернулся через 17 суток. Он рассказал, что его сажали на стул в коридоре, где устраивали сквозняк, и выдерживали по суткам. В конце концов он подписал признание и говорил нам, что больше терпеть не мог и терять здоровье не хотел.

Помню некоторые процессы, в которых участвовали те, которые находились в камере № 9. В октябре все процессы проходили с грубейшими нарушениями процессуальных норм: без экспертиз, без участия адвокатуры, с крайне жёсткими приговорами — почти все сводились к физическому уничтожению.

Таким был крупный процесс обвиняемых по делу фабрики «Красный Перекоп». Один из подсудимых, председатель цехкома, приходя вечером с процесса, становился на табурет посреди камеры и с возмущением громко рассказывал о ходе процесса; о том, что состав суда не хотел слушать никаких объяснений и говорил: «Суду всё ясно и понятно». Кончилось это судопроизводство трагически, все обвиняемые по этому делу в камеру № 9 не вернулись, а ночью охрана забрала их личные вещи. Это значило, что они попали после суда в камеру смертников, расположенную под нами, этажом ниже.

За этим процессом прошёл ряд других аналогичных процессов.

Запечатлелся в моей памяти процесс мелькомбината. По этому делу привлекалась группа в семь человек. Во главе её стоял директор по фамилии Левин. По национальности еврей. Кавалер ордена Красного Знамени. Участник гражданской войны. За ним следовал главный инженер, фамилии не помню, 23 лет, тоже еврей. Остальных — ни фамилий, ни должностей не помню. Но вся эта группа производила впечатление очень дружных, здравомыслящих, порядочных людей. Дело мелькомбината квалифицировалось по статье 58-7. Левин и его товарищи рассказывали нам о существовании дела и о ходе судебного процесса. Процесс шёл во второй половине октября. Обвинения против них выглядели, на их и на наш взгляд, по формулировкам довольно страшно, но, если разобраться поглубже, то серьёзной оценки не заслуживали. Мы все рассчитывали, что сурового приговора не будет. Однако настораживало то, что, по рассказам участников процесса, судьи не хотели вникать в обстоятельства дела, никаких объяснений обвиняемых не хотели слушать, в проведении технической экспертизы отказывали и ограничивались уже известной нам формулой: «Суду всё ясно и понятно...»

После суда в камеру они не вернулись. Мы поняли — расстрел. Их поместили в камеру смертников.

Прошло несколько дней, в течение которых у нас всё было тихо и спокойно. Но вот вдруг ночью поднялся какой-то переполох. Неистово залаяли и забегали по «струнам» под нашими окнами сторожевые овчарки, слышались внизу, под нами, громкие человеческие голоса, чьи-то сердитые и грозные команды, звуки какой-то возни — и громкие возгласы: «Товарищи, нас уведят! Прощайте!» Мы поняли, что это несчастные жертвы из мелькомбината прощаются с нами.

Позже мы узнали, что один из приговорённых к расстрелу, а именно 23-летний главный инженер, подавал на помилование на имя М. И. Калинина, и ему расстрел заменили 25-ю годами заключения...

С мучительной тоской я наблюдал за этими и другими, подобными им процессами, невольно примеривался к ним, думая, что же ожидает нас — по делу фабрики № 5 — при создавшейся в ярославской юстиции обстановке, в первую очередь меня лично. Взять лишь два пункта обвинения — желание отравить население города и взорвать цехи фабрики. Перспектива приговора к расстрелу противно и скользко вползала в моё сознание. Мне становилось от этого тоскливо, нехорошо. «За что? За что?» — думал я... Передо мною мысленно проходила вся моя не такая уж долгая жизнь — мне было тогда 32 года... Картины детства, отрочества, юности, молодости вставали перед моими глазами. Мне вспомнился мой отец — за что он сейчас, в свои 62 года, томится в застенках НКВД? Что с ним будет? Честнейший, порядочный, добрый человек, так любящий свой народ и свою Родину! В долгие бессонные ночи я видел свою семью, дорогую мне жену, подарившую мне любимого сына.

Мы — Басов, Галкин и я — ждали в конце октября начала нашего процесса. Но нас не вызывали. Мы терялись в догадках. Через некоторое время узнали, что суд по делу фабрики № 5 перенесён на более поздний срок, и вот по какой причине. Наше дело состояло как бы из двух моментов — контрреволюционного вредительства и так называемой «бытовой» части, по которой за воровство куска материи привлекались два человека. Суд не принял к рассмотрению дело, в котором бытовики перемешаны с контрреволюционерами. Дело вернулось в прокуратуру на переоформление. А в это время прокуратура и следственная часть были буквально завалены «делами», скоро ноябрьские праздники, и было ясно, что суд отодвигается на достаточно большой срок. Возможно, были ещё и другие обстоятельства, вызвавшие отсрочку переоформления нашего дела, в частности готовящееся в январе 1938 года постановление ЦК ВКП(б) по перегибам в репрессиях. (Я не помню, как точно называлось это постановление). Но факт остаётся фактом, в результате этого постановления был снят областной прокурор Юрчук, в областной газете «Северный рабочий» появилась статья, где отмечалась особо значительная роль в этих перегибах Ярославской области. В общем, к концу октября «население» камеры № 9 несколько разрядилось, и нас перевели в другую, меньшую по размерам камеру.

В декабре 1937 — январе 1938 годов наступило какое-то затишье. В начале февраля 1938 года меня вызвали к следователю. Вместо Кипарисова меня ждал новый следователь — Муромкин. Он объявил мне о причине, вызвавшей отказ суда судить нас в октябре 1937 года, и спросил: «Почему вы не требовали проведения технической экспертизы по пунктам вашего обвинения?» Я сказал, что заявлял об этом, но мне категорически было отказано. Он сказал, что теперь будем проводить экспертизу; что управлением плёночной промышленности (УПП) для организации экспертиз выделен старший инженер Герман Александрович Вульфсон.

Потекли тоскливые, но волнующие для меня дни — что будет дальше? Будут ли проведены экспертизы и что они покажут? Экспертизы не относились к деятельности Бахвалова и Басова — они, к общей нашей радости, пошли домой. Нас осталось трое: в нашей камере — я и Галкин, отдельно от нас — Зильберг. Галкина угораздило присвоить себе дорогой письменный прибор, и Муромкин «прилаживает» к нему какую-то «бытовую» статью — вроде «злоупотребления служебным положением». А мне и Зильбергу ждать результатов экспертиз.

Дней через двадцать меня снова вызвали к следователю. Он, как мне показалось, с недовольным видом сообщил, что экспертные заключения оказались полностью в мою пользу. Принято решение освободить меня из-под стражи с отобранием подписки о невыезде с места жительства. Следствие будет продолжаться по некоторым второстепенным пунктам обвинения. Муромкин дал мне ознакомиться с экспертными заключениями. Они полностью подтвердили мои показания по главным пунктам обвинения.

Итак, мрачные дни позади. Как же мне удалось избежать осуждения и уничтожения? Оглядываясь назад, мне кажется, что и я, и мои товарищи по обвинению обязаны прежде всего следователю Кипарисову. Он не видел во мне вредителя и многократно обещал что-то сделать для меня, а может быть, и для всех нас. Как говорится, в лоб эта задача у него не поддавалась решению. Он говорил, что ему самому грозили, если он меня не арестует.

Может быть, он умышленно представил в суд «дело пятой фабрики», где шесть человек обвинялись по статье 58-7 УК РСФСР, а двое — простые воры? Умышленно или неумышленно, но это нас спасло. Если бы Ярославский суд взялся судить нас в конце октября 1937 года, то мне лично была бы уготована «высшая мера».

Второе обстоятельство, которое, безусловно, сыграло положительную роль, это то, что подавляющее большинство показаний в отношении меня было положительными, несовместимыми с «лицом контрреволюционера-вредителя».

Третье обстоятельство — добросовестная и умелая научно-техническая экспертиза, выполненная честным, высоконравственным человеком Германом Александровичем Вульфсоном.

ПОСЛЕСЛОВИЕ. В прокуратуре области по просьбе редакции внимательно изучили уголовное дело, о котором рассказал Г. М. Цветков, и сообщили, что всё это соответствует действительности.

Предварительное следствие по уголовному делу производилось старшим следователем прокуратуры области тов. Кипарисовым. В связи с тем, что тов. Кипарисов занял принципиальную позицию в вопросе о недостаточности доказательств для направления дела в суд, он был отстранён от ведения следствия. Обвинительное заключение было составлено старшим следователем прокуратуры Ярославской области тов. Тиле 28 января 1938 года.

31 января 1938 года уголовное дело было направлено для рассмотрения по существу в Ярославский областной суд, которым дело к производству принято не было.

При производстве дополнительного следствия было установлено, что обвинение Бахвалову Н. Н., Цветкову Г. М., Басову Л. В. и Зильбергу Г. И. предъявлено необоснованно. 20 июля 1938 года исполняющим обязанности старшего следователя прокуратуры Ярославской области тов. Муромкиным уголовное дело в отношении указанных лиц было прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления.